

№452 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Сегодня мы празднуем Воздвижение Креста Христова, т.е. день, в который были найдены брусья креста, на котором был распят Иисус. Дело было при императоре Константине Великом, первом из римских императоров, прекратившем гонения на христиан. В 313 году он издал так называемый Миланский эдикт, по которому была узаконена христианская религия, и преследования христиан в Западной половине империи прекратились. Христиане выходили из подполья, обретали официальный статус, строили храмы, открыто совершали Богослужения. Император этому способствовал и старался даже оказать всяческое содействие. И вот однажды он решил направить в Иерусалим свою мать, благочестивую царицу Елену возглавить поиск древа креста, на котором был распят Иисус.

Происходившие тогда события с течением времени украшались различными легендами, подчас фантастичными. Одна из них гласит, что, разыскивая реликвию, Елена расспрашивала о возможном местонахождении креста всех подряд - и христиан, и иудеев, но долгое время поиски оставались безуспешными. Наконец, ей указали на одного старого еврея по имени Иуда, который сообщил, что крест зарыт там, где стоит языческий храм Венеры. Храм разрушили, и начали вести раскопки.

Уже это обстоятельство вызывает сомнения. Натерпевшиеся от язычников христиане действительно совершали с превеликим удовольствием подобные акты вандализма, но не при Константине. Кошмар этот начнётся только при императоре Феодосии, который в 392 году язычество попросту запретил. А поелику легенда эта появилась на несколько веков позже, её автор уже плохо ориентировался в сих обстоятельствах.

Далее, как гласит предание, были обнару-

жены Гроб Господень, и неподалёку от него три креста, дощечка с надписью, сделанная по приказанию Пилата, и четыре гвоздя, пронзившие Тело Господа. Но как определить – каков крест **Христов**, а на каких были распяты разбойники? Потрясающая идея, приписываемая патриарху Макарию! - поочередно возложить эти кресты на покойника.

И вот, якобы, когда был возложен на умершего крест Господень, мертвец ожил! Увидев воскресшего, все убедились, что найден подлинный «Животворящий» крест. Молва небывалая! Богомольцы в бесчисленном множестве пришли поклониться святому кресту. Толпы, давка. Пришедшие просили святителя Макария поднять, «**воздвигнуть**» крест, чтобы все могли, хотя бы издали, его увидеть. И тогда духовенство во главе с патриархом стали высоко поднимать это дерево, а народ, взывать: «Господи, помилуй!». Событие сие произошло в 326 году.

Говорить о достоверности этой истории можно, конечно, с большой осторожностью. Раскопки действительно велись, царица Елена и вправду была озабочена поиском любых материальных предметов, связанных с жизнью Иисуса Христа, Его учеников и первых христиан. И сам факт обретения древа крестного вполне соответствует действительности. Всё это, к слову говоря, происходило на глазах известного церковного историка Евсевия Кесарийского. Он также описывает случившееся, но чтобы покойниками тестировали подлинность креста?! – это намного более поздний вымысел рассказчиков. Судите сами, если б и вправду имело место воскрешение человека прикосновением к нему бруса крестного, очевидец Евсевий явно не удержался бы возвестить об этом восторженно. Ну а в 5-м или даже в 6-м веке – никаких свидетелей – фантазируй, сколь душе угодно. Ну и, соответственно, предание о Воздвижении Креста стало обрастать весьма сомнительными подробностями.

Впрочем, для нас важно иное. Крест стал средоточием нашей веры, главным символом христианства, высшим Откровением о Божьей любви к людям. Мы чтим и славим не сооружение из двух, скреплённых между собою деревянных брусьев, а Самого Всевышнего - Творца Вселенной, воплотившегося в Иисусе из Назарета, жившего среди людей, проповедовавшего Царство Божие, явившего нам Свою Божественную любовь, апогеем которой стали невыразимые страдания и смерть Богочеловека на Кресте для спасения каждого из нас.

СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ

Как мы подчёркивали с Вами, либеральная система, конечно же, имеет свои плюсы. Поэтому что в ней налицо уважение к внутреннему миру ребёнка, неприкосновенность этого внутреннего мира, уважение к личности, право личного выбора.

Но дело в том, что либеральная модель, доведённая до логического конца, предполагает на самом деле отсутствие идеи воспитания как таковой вообще. То есть, конечно, надо приучить человека к тому, чтобы он сам умел уважать других, их право выбора и так далее, и ввести это в контекст цивилизованного сосуществования. Но воспитания как такового на самом деле нет. Есть, скажем, такие вещи, как стимулирование разного рода манипуляций, чтобы человек то попробовал, это попробовал, и выбрал, что ему больше нравится. Тоже достаточно здравая идея либерального воспитания, хоть и половинчатая, но тем не менее. Ребёнку дают возможность много что потрогать руками, понюхать, посмотреть, вот много всяких хитроумных игрушек есть. Кто из Вас был в Лондоне, может, доводилось видеть два просто потрясающих музея. Один называется Музей естественной истории, а другой – Музей науки. Это просто восторг для детей – побывать в таких заведениях. И не только для детей, к слову говоря. Там всё сделано так здорово, так лихо, что и для взрослых это тоже очень интересно. Словом, ребёнок входит в контекст жизни самым естественным образом, наглядно видя, что такое, например, паровая машина Уатта. Вот он входит в зал, а там стоит машина действующая, только что без котла. И эта машина работает, и там очень подробно, во всех видах, рассказывается и показывается, как эта штука двигалась, чего куда выливали, что где подогревали, как пар поднимался, куда что толкало и так далее. Просто потрясающе. Конечно, когда ребёнок **таким** образом будет знакомиться с азами физики или истории... Или вот Вы идёте по залу, а там рассказывается, как менялся ландшафт Великобритании с 15-го века по 20-й. Там есть рисунки, есть макеты, поля, сёла, замки, всё это очень наглядно... Потом 18-й век – первые машины появились, потом 19-й век – и там уже стоят всякие промышленные предприятия, и так далее. И это человеку не рассказывают сразу, занудно, как там всё было, а он сам подошёл, посмотрел – и только после этого ему рассказывают. Или зал вычислительной техники и информатики, где посетителя приглашают как бы войти во чрево компьютера. Вот он входит туда, и там вокруг него всё сверкает, прыгает... Очень здорово. Причём настолько завораживающе, что и взрослые, стоя, балдеют. Там умеют сделать так, что ребёнку **завлекательно** быть в таких местах.

Но дело в том, что эта завлекательность – отнюдь не гарант становления. Поэтому нередко взрослым в таких местах интереснее, чем детям. Дети ловят кайф оттого, как это всё красочно и наглядно, но вот они на всё это посмотрели – и благополучно забыли. Они же не знают, куда всё это деть. При этом возможность попробовать, пощупать, посмотреть, полазить где угодно и увидеть что угодно – это тоже хороший либеральный принцип. Но воспитания как такового нету. Идея воспитания как целенаправленного и при этом очень осторожного воздействия, преследующего цель, – она в либеральной

модели воспитания сведена до минимума. То есть: что там воспитывать, оно само вырастет, главное – объяснить ему, чего делать не надо, а всё остальное можно, ведь, как известно, что не запрещено, то разрешено. И этого достаточно. А дальше посмотрим, что получится. Ну, конечно, можно человеку подсказать, что желательно освоить такую сферу деятельности, которая позволит ему жить комфортно. Но поскольку дети вообще очень неравнодушны к комфорту, и совсем неравнодушны к тому, чтобы пахать с утра до вечера, то тут ребёнка лишней раз не надо убеждать. Его, наоборот, надо научить трудиться. А делается это в либеральной модели следующим образом. Прямо по Руссо, но только не до 12-ти, а до 15-ти лет, чаду дают возможность много чего попробовать, посмотреть, понюхать, относительно беспроблемно по существовать и посмотреть, что ему будет больше всего интересно. А потом его впахивают уже в другую систему, достаточно жёсткую, и если уж ты туда попал, то будь добр. Если ты выбрал стезю врача, то давай, учись на всю катушку. И вот он начинает изо всех сил со скрипом учиться, и становится специалистом. Не обязательно хорошим, но главное, квалифицированным. То есть некий среднестатистический уровень система может выдержать вполне. Поэтому если у вас есть бумага о том, что вы там чего-то закончили, то для цивилизованной страны это свидетельство, что вы это умеете, в какой-то степени. Там нет неумных людей, которые бы думали, что вы гарантированно всё умеете, что там написано в бумаге. Но в принципе – умеете. Понятно, что одни – лучше, другие – хуже... Но вот, если бумага есть, значит, годится. И дальше – всё. То есть, там предполагается выбор достаточно либеральный. Это выбор какого-то того или иного пути.

Мы же с вами, когда говорим о выборе, говорим о выборе принципиальном, жизненном, экзистенциальном. Это выбор жизни или выбор смерти. И на это христианскому родителю отпущен очень короткий период времени: научить ребёнка чувствовать жизнь как таковую, жизнь как драгоценность, в её глубинном измерении. При том, что опыта экзистенциального самоанализа у него быть не может. У дитя может появиться только вкус к жизни, какой-то нюх, какое-то чутьё. И если это чутьё выявилось, если оно здоровое, тогда можно показывать, **что** тебя ждёт в случае, если ты что-то не то выберешь. Вот как сказать ребёнку, что у тебя этого, чего-то внутреннего, важного, может не оказаться? Чего «этого»? Понятным курсом с заумными категориями ребёнку объяснить это невозможно, он этого не понимает. Ему нужно то, что у него на языке, на руках и в сердце. Это довольно тонкая задача. Если взрослые люди не в состоянии сразу оценить то, что у них есть, если христиане, которые оглашались, и которые впитывали вот это обретение дара благодати, иногда в состоянии подчистую это всё забыть, к сожалению, – то что говорить о детях? У детей эта экзистенциальная духовная память развита слабо. И в этом, собственно, ещё одна проблема.

А главная задача христианского воспитания – это привить вкус к жизни. К жизни как таковой, к жизни как к драгоценности. Не к беспроblemному существованию, не к легкомысленной благодати, а к жизни настоящей. А это очень тонко и серьёзно.